

Россия может разделить судьбу Древнего
Рима: культура останется, а народ исчезнет.

Владимир Набоков

Глава 1

День выдался тем самым — особенным, легко летящим и осязаемо счастливым. Не ярким и не жарким. Перетек ласково теплым песком из горсти в горсть, от утра к полудню. Тина очень любила такие дни. Они образовывались как-то сами собой, с первого момента пробуждения, будто ощущение счастья давно стояло около ее кровати, улыбалось тихо и только того и ждало, когда ж она изволит проснуться наконец, чтоб тут же устроиться у нее внутри поудобнее. Нет, ничего такого особенного, конечно, в такие дни не происходило, да и не должно было произойти. Все, в общем, как обычно — вон Анюта проснулась и, накормив грудью маленькую Сонечку, устраивает ее в коляске под старой грушей, вон соседка тетя Таня, повязавшись по-деревенски белым платочком, склонилась над грядкой и подслеповато щурится в буйно разросшееся ее огуречно-кудрявое плетение. И с речки слышны ломкие мальчишеские голоса, и плеск воды,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и музыка с соседней дачной усадьбы... Все, все как обычно. И только поселившись в ней с самого утра счастье живет отдельной, своей жизнью, пропуская через себя простые картинки летнего бытия и заставляя то замирать на вдохе, то блаженно улыбаться или, того глупее, долго смотреть, задрвав голову, на плывущие по небу облака и слушать, слушать, слушать... В такие дни надо именно слушать, она это давно уже поняла. В такие дни солнце поет совсем тоненькой ноткой, когда льется с неба вот так, не изнуряя, тихой и нежной июльской благодатью, отдаваясь прозрачному еще от ночной прохлады воздуху, который тут же и отзывается ей навстречу низким, чуть глуховатым благодарственным бархатом-звоном, принимая в себя солнечную нежность. И с пролетающих мимо облаков льется вниз своя мелодия — торжественная, высокая и самую чуточку горделивая — и ложится тонкой белой драгоценностью, как жемчуг в коробочку, в этот бархатный звон, вплетаясь очень удачно в музыку летнего счастья. Она слышит его, точно слышит! Вот и душа ее, торопливо почистив слежавшиеся мятые перышки, устремилась красивой белой птицей музыке этой навстречу и вместе с залетевшим во двор гуленой-ветром затевает свои игры на траве, на цветах, на дальнем

Коварство, или Тайна дома с мезонином

пригорке, на видимом с усадьбы белом берегу реки...

В такие дни Тина старалась жить, ни на что особо не отвлекаясь. Сама с собой и с живущим у нее внутри счастьем, сплошь состоящим из звуков, ощущений и особенного какого-то, до дрожи радостного волнения. Сил от него набиралась для жизни. Плавала, купалась в нем, улетала рука об руку со счастливой душой к небу. А то вдруг с солнечным лучом дружила-обнималась или шорох травы под босыми ногами внимательно слушала...

Нет, в обыденной жизни она была просто женщиной. Самой обыкновенной, с несложившейся, по принятым людским меркам, бабской судьбой. И с грузом нелегко прожитых лет за плечами. И с подкравшимся незаметно пенсионным возрастом. А вот поди ж ты — как повезло ей с этими счастливыми днями-то. Не забывает про нее ребячье звенящее счастье, никак не дает душе повзрослеть, да и телу не дает расплыться-раскиселиться, как ему и положено к законным своим пятидесяти пяти годам. Кажется, вот и сейчас бы запрыгала-завертелась, раскинув широко руки да прогнувшись в спине, как малолетка какая. Или как та героиня Островского, которая все взмыть над обрывом птицей пыталась. Хотя ну ее. Не надо про нее, и без того надоела за

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тридцать долгих учительских лет — за такое время и самый яркий луч света в темном царстве погаснуть может. Вот героиня любимого Антона Палыча — те нет, те не надоели. С ними она, можно сказать, с детства дружит. Или, как недавно выразилась Аня, страдает комплексом «врожденной чеховоманки». Тоже нашлась юмористка доморощенная. Еще дочь называется...

Улыбнувшись, Тина прошла по мягкому ромашковому ковру в конец двора, заросшего по периметру шершавыми стволами подсолнухов попеременно с кустами золотых шаров — много желтого, хороший цвет, — тихо опустилась на бревна, почерневшие и порядочно потрескавшиеся от долгого лежания под снегом да дождем. Кто и зачем сюда привез эти бревна, она уже и не помнила. Но сиживать на них любила — особенно в такие вот дни. Ей казалось, что именно в этом уголке как раз все и сходилось в одну звенящую точку: и музыка солнца, неба и воздуха, и летающая рядом счастливой птицей душа, и вся прелесть летнего ее в этом дворе бытия вместе с приехавшими из города на выходные дни дочерью с внучкой... Закрыв глаза и откинувшись спиной на теплые бревна, она попыталась даже впихнуть каким-то образом в этот счастливый ряд и вопрос обыденный, то есть осмелилась подумать о том, что же бы ей такого хорошего на

Коварство, или Тайна дома с мезонином

обед приготовить. Ответ на вопрос пришел сам собой, тоже будто из этого счастливого ряда выплыл: готовь, мол, дорогая наша Тина, окрошку да оладьи со сметаной, и чтоб запах от них на всю усадьбу стоял. Не хватает, мол, в нашем счастливом ряду обыкновенного сытного земного запаха...

«Сейчас полежу еще пять минут и пойду, — решила Тина, чуть приподняв голову и взглянув на Сонечкину коляску — не проснулась ли ее драгоценная внученька. — Надо Анюту хоть в выходные поесть заставить, иначе погибнет на своей диете. И с чего это взяла девчонка, что она толстая? Не толстая вовсе, а справная, как раньше в деревнях говорили. Кровь с молоком. Да и нельзя ей худеть, пока Сонечку кормит... Сейчас-сейчас... Еще пять минут... Уже встаю...»

— Тина! Тиночка! Ты где? Слышишь ли меня? Гости к тебе, Тиночка! — ворвался в счастливое ее состояние голос соседки тети Тани, и с ним одновременно гукнула нетерпеливым коротким звуком подъехавшая к воротам машина. Звук гудка был слуху незнакомым — Лёнина машина так никогда не гудит. А Митенька бы и вовсе на клаксон нажимать не стал, а пошел бы сам себе открывать ворота... Значит, чужие. Что ж, жаль. Придется отвлечься, выплыть на время из своего

ВЕРА КОЛОЧКОВА

счастливо-бездумного состояния. Ничего, она потом еще вернется...

Анюта уже спешила к воротам, натягивая поверх купальника старую клетчатую Митину ковбойку. Отодвинула засов на калитке, распахнула ее навстречу двоим, в нее зашедшим. Мужчина и женщина. Молодые совсем. Господи, кто же это... Лица такие знакомые... Похожие... Похожие... Нет, этого не может быть...

— Здравствуйте! — вежливо-холодно растянула в улыбке губы молодая женщина, одетая в серые джинсы-трубочки и гладко-белую футболку. Пряталась, впрочем, за этой простой ссеростью да гладко-белостью фирменная дороговизна. Вернее, не пряталась. Наоборот, наезжала некой спесивостью — такой же, как и нарочито-вежливая улыбка с ее лица.

— Здравствуйте... А вам кого? — весело-вызывающе поинтересовалась Анюта, выставя снисходительную веселость впереди себя оружием против холодной вежливости гостыи.

— Скажите, Валентина Петровна Званцева здесь проживает?

— Да, здесь. Это мама моя...

— Да? Что ж... Тогда давайте знакомиться. Моя девичья фамилия тоже Званцева. И зовут меня Ольга. Ваша двоюродная сестра, стало быть. А это ваш брат, тоже двоюродный, — Никита

Коварство, или Тайна дома с мезонином

Званцев. А вы... Вы Анна Званцева, насколько я понимаю?

— Да... Да, я Анна... Только я не Званцева...

Анюта растерянно обернулась к медленно идущей к ним по дорожке матери и вздрогнула от естественно накотившего желания встать сейчас у нее на пути, закрыть спиной от этих гостей, от вежливо-холодного взгляда этой молодой женщины по имени Ольга, назвавшей ее сестрой. Господи, что это их принесло сюда, каким таким незванным ветром?..

Да, она знала, конечно же, что у нее есть двоюродные сестра и брат. Она даже, было дело, очень давно, правда, мечтала с ними и увидеться, и познакомиться поближе. Но, упаси бог, никогда не стала бы этого делать. Потому что кто знает, как бы к этому отнеслась мама — тема эта у них всегда была сверхзапретной. Нет, не больной, конечно, но зачем, скажите, ворошить лишний раз обстоятельства прошлого, круто изменившие мамину судьбу и на долгие годы застрявшие в сердце тяжелым камнем? Камнем, замешенным на любви, на обиде, на предательстве, на жалких усилиях простить-забыть, на бессонных ночах, на осознанном выборе своего женского одиночества. Чуть тронь этот камень — и тут же он даст о себе знать материнской грустной задумчивостью да мукой в глазах, спокойно

ВЕРА КОЛОЧКОВА

переносить которую Аня так и не научилась с самого своего детства. Она вообще всегда ощущала себя маминой защитницей. Дочерью-матерью. Дочерью — широкой спиной. Даже дочерью-грубиянкой, если понадобится. А как могло быть по-другому? Вот идет по дорожке такая маленькая и гибкая-хрупкая, и большие, не потерявшие к возрасту своей изумрудной зелени глаза распахнуты широко и радостно-открыто, и губы уже сложились в удивленную и широкую, заранее ко всему благожелательную улыбку... Не женщина — марсианка какая-то. Аэлита. Потому и не стареет, наверное...

— Мам, это к тебе, — делая шаг в сторону, словно и впрямь собираясь загородить мать спиной, настороженно произнесла Аня. — Познакомься, это Ольга и Никита Званцевы...

— Вы... Вы Машины дети? Да? Не может быть... А как вы здесь... Случилось что-нибудь? Что-то с Машей? — тихо и испуганно задавала свои вопросы Тина, переводя растерянно-загнанный взгляд с красиво-надменного Ольгиного лица на лицо Никиты, рассматривающего ее с досадным равнодушием спешащей юности, вынужденной так бездарно терять драгоценное время в беседах с какой-то теткой, которой он и в глаза никогда не видел. Что из того, что она ему по крови родная, тетка эта. Какая разница. Все

Коварство, или Тайна дома с мезонином

равно чужая, получается. Если б не важное дело, черта с два поехал бы он в эту тьмутаракань — трястись в машине целые сутки...

— Нет, Валентина Петровна, — четко разделяя слова, словно с трудом сдерживая внутреннее раздражение перед чужой глупой растерянностью, заговорила Ольга. — С мамой нашей ничего не случилось. А вот отец два месяца назад умер. Такое вот дело. Наш отец, а ваш официальный муж, получается. Ведь вы, говоря языком юридическим, формально свой брак не расторгли... Ведь так?

— Да... Так... То есть нет, не расторгли... Так, значит, Антон умер... Два месяца...

— Ну да. Мама вам не сообщила — простите ее, конечно. Да и мы с Никитой тоже так решили — ни к чему это вам. Сами посудите — столько лет прошло, вы совсем чужими стали, и ваш брак с нашим отцом превратился в одну лишь пустую формальность. Я вообще не понимаю, почему вы его тогда еще не расторгли... А теперь вот у нас из-за этого сплошные проблемы! И нам бы хотелось все с вами спокойно и взвешенно обсудить. И постараться прийти к соглашению. К справедливому, я полагаю, соглашению...

— Так... Да, конечно... Проблемы... Антон умер...

Тина вдруг резко развернулась и быстро по-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

шла по тропинке к дому, как слепая, выставив вперед руку и держа спину очень прямо. Так изо всех сил старается держать прямо спину человек, боящийся упасть. Ольга удивленно проводила ее глазами и, пожав плечами, повернулась к Анюте, словно ждала от нее каких-то объяснений странного поведения матери. Анюта помолчала какое-то время, набычившись, как девчонка-строптивица, потом нехотя произнесла:

— Что ж... Проходите в дом, раз приехали... Машину во двор загонять будете?

— Ну, я надеюсь, мы к вам ненадолго, — подстроившись под ее явно вынужденную вежливость, проговорила, тонко улыбнувшись, Ольга. И тут же поинтересовалась искренне: — Слушай, сестра, сколько тебе лет, а? Ты намного меня моложе?

— Мне двадцать пять. А что? А тебе сколько? — настроженно произнесла Анюта.

— А мне двадцать семь... Стало быть, Валентина Петровна не так уж долго после расставания с отцом горевала? Зря, выходит, наша мать всю жизнь чувством вины перед ней упивалась... Ни развода, ни официального для себя брака вовремя не потребовала...

— Слушай, ты... — обернувшись к ней, резко и зло сверкнув глазами, тихо прошипела Аню-

Коварство, или Тайна дома с мезонином

та, — ты не смей так о ней, поняла? Что ты об этом знаешь вообще?

— Да ничего я не знаю. Ты, пожалуйста, не обижайся, Ань. Нам и в самом деле ничего об этой истории не рассказывали. Ни отец, ни мать. Молчали всю жизнь, как партизаны. Что там у них произошло-то?

— Да я и сама толком ничего не знаю, — отчего-то смягчившись, доверчиво проговорила Аня. — И мама мне тоже никаких подробностей не рассказывала. Я только одно знаю — она всегда вашего отца любила. Все эти годы. И потому за моего отца замуж не вышла. А ты ей прямо с ходу в лоб выдала — два месяца как умер...

— Ну, я ж не знала, что тут такая трагедия! — широко развела руками Ольга. — Кому рассказать — не поверят. Сама подумай — сколько лет прошло! Столько вообще не живут, а не то что любят кого-то. Прямо как в старинных романах...

— Ладно, вы тут устраивайтесь пока, отдохните с дороги, я сейчас... У меня там ребенок проснулся...

Бросив гостей прямо у крыльца дома, она метнулась к качающейся мягко на нежных ресорах коляске, укрытой от постороннего глаза ветками старой груши, навстречу мелькающим из нее толстеньким ножкам и ручкам, навстречу милому материнскому сердцу кряхтению хорошо

ВЕРА КОЛОЧКОВА

выспавшегося здорового младенца. Выуженная из коляски Сонечка запрыгала в руках матери, закукала что-то абсолютно радостное на своем младенческом языке, засверкала нежно-розовыми щечками да круглыми локотками-коленками. Она тоже по-своему чувствовала этот день. Видимо, он и для нее был особенно счастливым. Слава богу, бесконечно далеко ей пока до тех времен, когда этот самый день способен оборваться лопнувшей струной так же неожиданно, как сегодняшней бабушкин...

— Смотри, Никитка, какая у нас с тобой племянница! Чудо просто! — протянула к ребенку руки Ольга. — Ань, можно я подержу? Да не бойся, не уроню...

Сонечка, притихнув в незнакомых руках, долго разглядывала чужую улыбающуюся тетю, потом повернула розовое личико к матери и моргнула удивленно, словно спрашивала ее таким образом: а кто она такая есть, эта тетя, и почему она, Сонечка, вдруг стала не доченькой и не внученькой, а какой-то там племянницей?.. И тут же протянула руки обратно. Потому что тетя тетей, конечно, а на руках матери, уж простите, как-то покомфортнее будет...

— А у тебя дети есть? — забирая из Ольгиных рук ребенка, спросила Аня.

— У меня? — почему-то удивилась ее вопро-

Коварство, или Тайна дома с мезонином

су Ольга. — У меня нет, что ты... Да и когда мне! Я еще на ноги не встала как следует, и вообще... Мы с мужем пока и разговоров таких не заводили...

— Да мы тоже не заводили, знаешь! — улыбнулась вдруг весело Аня. — Чего их заводить, разговоры эти? От них дети не рождаются! Взяли и произвели на свет это чудо! И нисколько об этом не жалеем! Да, дочь?

— Гы! — радостно подтвердила Сонечка и расплылась в счастливой младенческой улыбке, продемонстрировав всем два проклюнувшихся нежных зуба-резца, и взмахнула плотными ручками, чуть не вылетев из материнских рук.

— Так, чего ж это мы на крыльце стоим? Вы в дом проходите. Сейчас я вас чаем напою, потом обедать будем...

— Нет-нет, Аня, не суетись! Ничего такого не надо. Нам бы с Валентиной Петровной вопрос решить побыстрее... Понимаешь, времени очень мало. Вот и Никита торопится...

Они вместе обернулись к сидящему на скамеечке у крыльца парню, с интересом разглядывающему дворовый интерьер с его деревьями и цветами, с заросшей толстым ромашковым ковром большой поляной и прокоптившимся мангалом в самой ее сердцевине, с колодцем и обложенным прогоревшими булыжниками ко-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

стрищем около сваленных у забора старых бревен, с открывающимся отсюда и сразу цепляющим глаз чудесным видом на изгиб реки с ее белым песчаным берегом.

— А хорошо тут у вас, знаете... — проговорил Никита тихо. — Спокойно так, будто счастьем пахнет... Как, говорите, это место называется? Я забыл... Красивое такое название...

— Белоречье, — хором подсказали ему Ольга с Анютой.

— А... Ну да... И в самом деле Белоречье... Смотри, Ольга, какой берег белый. И река от него тоже белым светится...

— Ладно, Никита. Некогда нам видами любоваться. Река, берег... Ты не забыл, что нам надо сегодня же обратно выехать? Время, время, Никита! Пошли давай! Ань, проводи нас к матери, пожалуйста. Где она?

— Ну что ж, пойдете... Мам! Ты где? — заходя в дом, крикнула Анюта осторожно. — Иди к нам...

— Здесь я, дочь.

Тина выглянула из большой комнаты, улыбнулась навстречу входящим вслед за дочерью гостям. Сердце Анютино тут же и сжалось в комочек от вымороченной этой материнской улыбки, от вмиг потерявших привычную зеленую прозрачность глаз, будто приглушила, прошлась по

Коварство, или Тайна дома с мезонином

ним в одночасье злая патина времени. С трудом подавив в себе вздох досадно-жалостливого дочернего понимания, она лишь гостеприимно протянула руку приглашающим жестом — проходите, мол, в комнату, чего на пороге стоять...

— Валентина Петровна, вы простите нас, конечно, что мы вот так ворвались со своей проблемой. Надо было предупредить, конечно. Но мы ведь и адреса вашего толком не знали! Искали село под названием Белоречье, а ни улицы, ни номера дома не знали... Спрашивали у всех, где здесь живет Званцева Валентина Петровна. Кстати, вы очень здесь популярная личность, знаете ли! У кого ни спрашивали, нам всякий дорогу показывал...

— А почему у мамы своей адреса не спросили? Или она забыла его уже?

— Нет, не забыла, наверное. Только мы ей не стали говорить, что к вам поехали. Не стали беспокоить.

— Почему?

— Ну, так уж получилось... Да она бы и не пустила нас. А ехать к вам все равно обстоятельства заставили. Только... Мы ведь не думали, что для вас это так... Что вы так болезненно все воспримете... — осторожно заговорила Ольга, присаживаясь напротив Тины за стол, по-деревенски покрытый белой ажурной скатертью.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ничего. Все в порядке, ребята. Говорите, что у вас за обстоятельства такие срочные.

Тина произносила слова ровным, ничего будто не выражающим голосом, смотрела в глаза прямо, плечи держала ровно, и только сцепленные пальцами одна в другую ладони выдавали внутреннее ее напряжение, которое, казалось, все ушло в эти сжатые мертвой хваткой пальцы.

— Понимаете ли, в чем дело, Валентина Петровна... Отец ведь наш завещания не успел оформить... Он, знаете ли, скоропостижно скончался, от инфаркта. А вы на сегодняшний день так и являетесь его законной женой, то есть юридически входите в круг наследников первой очереди... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да. Понимаю. Конечно же.

— Но согласитесь, Валентина Петровна, это же несколько несправедливо получается. Вот и Никита тоже так считает. Выходит, вам теперь может отойти значительная доля наследства... Ведь так? Правильно я рассуждаю?

— Правильно.

— Но вы согласны со мной, что фактически к наследству нашего отца вы не имеете никакого уже отношения? Вы же не виделись с ним с тех пор, как... Как...

— Да. Не виделась.

— И ничего о нашей жизни не знали...

Коварство, или Тайна дома с мезонином

— Да, не знала.

— И мы о вас тоже ничего не знали! Ну, то есть знали, конечно, что у мамы где-то есть сестра и брат и что была какая-то между вами история... Но ведь всю жизнь с отцом прожила именно наша мать, а не вы! И детей у вас от отца нет, как я понимаю. А теперь получается так несправедливо...

— Да. Несправедливо.

— Так вы согласны, значит?

— Согласна.

— Погодите, Валентина Петровна. Какой-то странноватый разговор у нас получается...

— Действительно, странноватый. Чего вы хотите, ребята? Скажите прямо.

— Но это же так понятно и естественно... Вам надо официально отказаться от своей наследуемой по закону доли, и все! Тут, я считаю, даже и говорить особо не о чем!

— Да. Не о чем. Конечно же. Я должна что-то подписать? Давайте подпишу.

— Но... Если бы все было так просто... Понимаете, отказ от наследства оформляется только нотариально! Причем наш нотариус заявил, что отказ этот примет только от вас лично! Его тоже можно понять — юридические формальности, знаете ли... Не будешь же ему объяснять, что фактически вашего с отцом брака давно уже

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не существует! Нет, можно было бы, конечно, и через суд это доказать, но все это займет столько времени... Вот мы и решили к вам приехать да решить этот щекотливый вопрос полюбовно.

— Хорошо, ребята. Будем считать, что решили. Что дальше?

— А раз решили, то вам надо ехать вместе с нами, дорогая Валентина Петровна. К нотариусу, в наш город. По месту открытия наследства.

— Что, прямо сейчас?

— Ну да... Хотелось бы... А обратно мы вас самолетом отправим! За наш счет, разумеется! Да, Никита? Ну что ты молчишь, господи? Вот же наказание! Зачем я только тебя с собой сюда тащила! — сердито пробормотала Ольга, обернувшись к брату.

— Но я сейчас не могу... Нет-нет... Вы простите, но нельзя ли мне приехать попозже? Как тут Анюта без меня останется, и Сонечка маленькая... Да и в себя мне надо прийти... Нет, с вами я никак не смогу поехать...

— Хорошо-хорошо, Валентина Петровна! Как скажете! Да мы и не надеялись, в общем, что вы сразу поедете. Главное, что вы в принципе не возражаете! Когда вы сможете приехать?

— Не знаю. На днях, может... Только у меня к вам просьба...

— Да? Какая просьба?

Коварство, или Тайна дома с мезонином

— Вы не оставите мне несколько фотографий Антона? На память? У меня ведь ни одной нет...

— О, да это пожалуйста! Сколько угодно! Вот вы приедете, и я вам приготовлю! Я вам подберу несколько хороших фотографий! У нас даже и портрет его есть, маслом писанный. Можно копию заказать...

— Спасибо. Мне достаточно фотографий. Тех, где мы в молодости.

— Хорошо, Валентина Петровна. Значит, мы договорились? Через неделю мы вас будем ждать. Вам денег на билет оставить?

— Нет. Не надо. Что вы!

— Тогда вот вам моя визитка со всеми телефонами. Как соберетесь — звоните. Да я и сама вам позвоню еще не раз! И помните: вы обещали... А я вас обязательно встречу в аэропорту. Или Никита встретит. Это и времени немного займет, в общем. Из аэропорта поедем к нотариусу, потом сразу обратно. Всего один день...

— Хорошо. Спасибо.

— Ну что вы. Это вам спасибо, дорогая Валентина Петровна. Спасибо, что вы нас правильно поняли. И вообще — приятно было познакомиться. И с вами, и с вашей милой дочерью, и с внучкой...

— А у вас ведь еще и брат есть, ребята. Митей

ВЕРА КОЛОЧКОВА

его зовут. Он сын Алексея, матери вашего брата. Он вечером сюда придет.

— Ну что ж, жаль, конечно, что не увидимся. Нам ехать пора. И вообще, жаль, что все так нелепо вышло в нашей жизни...

— Да. Действительно, жаль.

— Тогда до скорой встречи, Валентина Петровна! Пойдем мы, пожалуй...

Ольга неловко поднялась из-за стола и, сердито мотнув головой сидящему в кресле в углу комнаты Никите, быстро пошла к выходу. Тина же так и осталась сидеть, прямо держа спину и по-прежнему сцепив перед собой пальцы рук. Надо бы встать, проводить гостей, да она не могла — сил отчего-то не было...

— Что же это вы, гости дорогие, даже и чаю не попьете? — насмешливо выскочила из кухни в прихожую, держа Сонечку под мышкой, Анюта. — За долю свою воевать, значит, приехали? Отвоевали, стало быть? Все по своим местам расставили? Занесли мать мою в список пустых формальностей? И нас с Митькой тоже, значит, в тот же ряд записали? Ну-ну... Молодцы какие...

— Анюта! Не надо. Прекрати немедленно. Пусть идут с богом. Проводи, — тихо скомандовала из комнаты Тина.

— Ладно, мам. Провожу, конечно. Пойдемте, гости дорогие...

Коварство, или Тайна дома с мезонином

— Зря ты так, Ань, — обернулась уже от калитки к ней Ольга. — Мы-то тут при чем? Они же сами наворотили невесть чего в молодости, матери наши. Нас ведь никто ни о чем не спрашивал! Что уж вышло, то вышло. Ты прости нас...

— Ладно, поехали! — потянул Ольгу за рукав Никита. — Хватит тут сопли разводить! Ругаешься на меня, а сама... Нам еще заправиться где-то надо. Поехали!

— Ну что ж, прощай, Аня. Всего вам доброго — и тебе, и дочке твоей. И маме.

— И вам прощайте, дорогие братья-сестры. Счастливого пути. Мать, когда приедет, не особо там обижайте. Да на могилу к вашему отцу свозите, пусть попросается. Она сама-то об этом не попросит, вы уж проявите инициативу, как родственники. Хоть и не состоявшиеся, конечно. В благодарность, так сказать, за матери моей покладистость...

Ольга, ничего Аняте на это не ответив, лишь вскинула резко голову и взглянула в глаза остро и сердито, будто клюнула. Распахнув дверцу машины, плюхнулась на переднее сиденье рядом с Никитой и тут же принялась ему за что-то выговаривать, жестикулируя отчаянно перед лицом руками. Анята медленно закрыла калитку и, прижимая к себе Сонечку и прислушиваясь к шуршанию гравия под колесами отъезжаю-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

щей машины, постояла еще какое-то время в задумчивости. Странное у нее было чувство — как будто обидели ее сильно. В чем заключалась эта самая обида, было не совсем понятно. Ну, приехали родственники, и что? Не захотели дружить-родниться? Да и бог с ними, не больно-то и хотелось. Может, маму они чем обидели? Да ничем вроде — это тоже понятно. Не требовали особо ничего, не оскорбляли, не унижали. Просто имущество свое от дележа спасали. Что такого-то? Дело простое, человеческое. Всякое бывает... Олег, Анютин муж, адвокат по профессии, и не такое ей рассказывал. Так иногда людей наизнанку выворачивает при дележе наследства, что сами себя не узнают... И все-таки обида была. В чем-то виноваты были эти двое, своим приездом принесшие в их теплый дом холодный пыльный ветер из маминого прошлого. Ветер, осевший мутью в ее ярких глазах и сцепивший пальцы ладоней в мертвой хватке. Ветер, неуловимо вытеснивший с их двора «добринку-роднинку», как говорит Митька. Пусть хоть на время, на какой-то час всего, но вытеснивший же...

Вздохнув, она медленно пошла к дому, ступая по мягкому травяному ковру и с удовольствием ощущая под босыми ногами приятную теплую шершавость. Нет же, нет. Все в порядке. Все на своем месте. Никому они эту «добринку-роднин-

Коварство, или Тайна дома с мезонином

ку» не отдадут. Никакому чужому ветру. И старый уютный дом не отдадут, и ночной костер у потемневших бревен в углу двора, и старуху грушу, и мамин цветник, и вид на реку... Вот сейчас она матери обо всем этом и скажет...

Тина так и сидела за столом, по-прежнему выставив перед собой сцепленные ладони, смотрела потерянно куда-то в пространство. Сердце Анютино опять сжалось, но голос таки прозвучал вполне бодро-весело. Очень даже вполне, чтоб вытащить мать из этого плохого пространства, — нечего ей там делать...

— Мам, поддержи Сонечку! Такая тяжелая стала — у меня сейчас руки отпадут! Скорей бы уж ходить начала, ага?

— Давай... — моментально встряхнувшись, потянула навстречу внучке руки Тина. — Иди ко мне, моя ласточка, мое солнышко, моя золотая рыбочка!

— Ау-гу-гу-гу-у-у... — заворковала вдруг на такой же ноте и Сонечка, устраиваясь с полным комфортом у бабки на коленях и припадая головкой к ее плечу.

— Ну вот, девочки, и хорошо... — встряхивая с наслаждением руки, со смехом произнесла Аня. — Вы просто замечательно друг друга понимаете. У вас и любовь даже особенная какая-то. Не человеческая будто, а марсианская...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да никакая она не особенная, доченька. Обыкновенная. Просто Сонечка знала всегда, как я ее жду... Ты помнишь, как я ее ждала?

— Ну еще бы! У меня и живота еще никакого не было, а ты уже подходила ко мне и с ней разговаривала. Все ей рассказывала: и как ты ее ждешь, и как любишь, и как радуешься... Странноватая ты у меня все-таки женщина, мам!

— Уж какая есть, доченька. Ты гостей проводила?

— Да. Все в порядке. А что, ты и в самом деле к ним поедешь, чтоб от своей этой наследственной доли отказываться?

— Да, поеду.

— Мам, а что там за доля-то? Что они делят? Квартиру, машину?

— Там дом, доченька. Большой такой дом. Бывший купеческий особняк. Его еще отец Антона от советской власти получал за свое правильное, идеологически выдержанное профессорство. Антон уже там родился. Интересный такой особнячок, белый весь, с колоннами да балкончиками. И с мезонином... Помнишь, у Чехова рассказ такой есть — «Дом с мезонином»?

— Целый особняк? Это в том городе, где ты раньше жила? Ничего себе... — всплеснула руками Аня.

— Вот именно что раньше, дочка. Теперь я ни

Коварство, или Тайна дома с мезонином

к тому городу, ни к тому особняку никакого отношения не имею.

— Да какая разница, мам! Доля-то все равно твоя по закону! Ты хоть представляешь себе, в каких деньгах она может выражаться, эта доля? Тебе такие и не снились...

— И хорошо, что не снились, дочь. И не надо. И слава богу. И вообще, ты же знаешь, как я отношусь к этому вопросу!

— Да уж... Знаю, конечно... Но все-таки, мам... Может...

— Нет, не может, Аня! И давай закончим этот разговор. Он мне не нравится. Пойдем-ка лучше обед какой-нибудь состряпаем. Скоро Митя с Мариной придут...

Глава 2

— Вот объясни, зачем я тебя тащила с собой в такую даль? Чтоб ты молчал, как партизан, да? Почему я всегда и все должна делать сама? Ты думаешь, мне этим приятно заниматься? — бушевала Ольга, развернувшись к сидящему за рулем Никите. — И не гони так, экстремал хренов! Лучше бы в другом месте лихость свою демонстрировал! Сидит, главное, помалкивает чистоплюйски... Получается, что я крайняя, да? Стерва-сестра при благородном брате?